

Читаю статью Геннадия Мурикова о Бжезинском. Он пишет: «Цель моей статьи – всего лишь расширение информационного поля. (Я копал целину, расширяя свой огород, и знаю по мозолям и боли в спине, насколько это безжалостный труд.) *Наш читатель должен знать врага в лицо, но не только врага, “ближние наши” должны знать все обо всём!*» – заявляет Геннадий Муриков.

Слава богу, есть теперь у меня и единомышленники, а не только *Ильич*, призывавший “загрузить свою память и мозг – как вульгарно он выражался! – всем тем, что выработало человечество”, – но его призыв был двусмысленно лжив, слишком много лжи, слишком много суесловия, слишком много идеологического пересыпания из пустого в порожнее, от напыщенных восхвалений богов и вождей в газетах с названием «Правда» до «Игры в бисер».

Итак, читайте глиняные таблички, папирусы, рукописи поэтов, самъ-издатские книги, жизнь воистину коротка и неповторима, и прежде чем строить узкоколейку в жуткий мороз для подвоза дров к Киеву, как Павка Корчагин, надо было бы прочитать «Политику» Аристотеля. Но чтобы нам не пришлось и в новом веке строить такую же узкоколейку, будем читать Геннадия Мурикова.

Каковы же его отличительные свойства?

Я как-то уже говорил о том, что «критик должен быть или *всеобщ* (объективен) или *личностен* (субъективен) и не смеет жертвовать истиной ради возвышения партии, к которой он принадлежит». И в этом месте выскажусь подробнее. Критик, как и поэт, вообще не должен принадлежать к какой-то партии (или обязан забыть об этом: учитесь у врача – он лечит и пленного вражеского солдата, и притом так же добросовестно, как и своего). Вопреки бредовым идеям недоучившегося гимназиста Ульянова, литература не должна быть *партийна*, как и наука, как и культура в целом... да и человек не должен быть *партиен*!!!! – в том смысле, чтобы партия (а он может принадлежать к какой-то группе людей, например, отправляющихся в поход с палаткой) подменяла и определяла его взгляды, личность, характер, мировоззрение.

Человек не должен быть партией, как таблица логарифмов не должна быть социалистической, философия не должна быть христианской, красота женщины не должна быть коммунистической.

Следовательно, критик или *всеобщ* (объективен) или *личностен* (субъективен) – но более того, он должен быть одновременно *и всеобщ и личностен*, то есть объективен и субъективен вместе. Во-первых, он как читатель исходит из своих личных ощущений, он должен переживать художественное или философское произведение в соответствии со своими вкусами, темпераментом, образованием и культурой, должен испытывать сочувствие, удовольствие, притяжение к произведению, которое читает, слушает, видит, или отторжение, неприязнь. Но, как и учитель, оценивающий сочинение школьника, критик обязан встать на более высокую точку зрения, нежели простой читатель, и поэтому он занимается синтезом: он соединяет в некое целое свои профессиональные познания и способности, свои вкусовые предпочтения – но и общественные отклики на данное произведение. Всякая вещь не отдельна, а коммуникативна и ассоциативна, она существует не сама по себе, а как некоторое общественное явление, поэтому, исходя из субъективных ощущений и оценок, критик присоединяет к ним и те выводы, которые доставляет ему его профессиональное знание; оставаясь читателем, например, аристократом, мужчиной, слишком образованным, чтобы умиляться повестью для сентиментальных невест, он обязан уподобиться и невесте – как актёр забывает свой возраст, социальное и имущественное положение, исполняя роль в драме. Критик должен быть не только Розановым, читая «Братьев Карамазовых» Достоевского, но и уподобиться Тургеневу и Льву Толстому, Страхову и Плеханову и революционным гимназистам, плохо усвоившим русскую литературу... Впрочем, я пишу о требовании, но это вовсе не значит, что сам я готов и могу стать, хотя бы только Розановым.

Но разве вот так же и судья, испытывающий жалость или отвращение к подсудимому, не должен подняться выше своих чувств в оценке вины и в выборе для него наказания?!

Привлекательному юноше, зарезавшему старушку или старушке – кому сочувствовать должен судья (он же критик)? Трудолюбивому писателю, промочившему рукопись потоками пота, или равнодушному читателю, скучая листающему его рукопись?

Писатель пишет чаще всего о себе, вот и я, добросовестно пытающийся написать про господина Критика, вглядываюсь в себя –

но чтобы из этого самолюбования был хоть какой-то толк, попробую заметить черты исследуемой личности если не по сходству, то хотя бы по противоположности, сравню господина Мурикова с собою.

И вот замечаю первую странность (примеривая её к себе): господин Муриков *объективен*, истина ему дороже друзей, старушка-процентщица дороже любимого героя Достоевского (я вдруг подумал: а не мечтал ли сам Достоевский кого-нибудь зарезать? И это предположение не такое уж дикое. Я как-то познакомился с 17-летней барышней, уже наточившей нож и тренировавшейся в его вонзании в разные предметы, чтобы зарезать отчима, но, к счастью, её мать вдруг сбежала из дома от дочерей со своим любовником).

Итак, Геннадий Геннадиевич Муриков – *критик объективный* (что похвально), следовательно справедливый, что похвально вдвойне.

Но теперь вдруг мне бросается в сознание, что *всеобщность* не совсем *объективность*, всеобщность сопряжена с некоторой беспристрастностью, отсутствием избирательности, это особенное свойство, которое встречается у некоторых весьма заслуженных монашеских старцев, пользующихся любовью общины, которые и своих монахов любят, но беспристрастно, как-то одинаково равнодушно, противоположно тому, как мать любит своих детей.

Открываю его “всеобщую книгу” «1917 – 2017. Вампиры и судьбы России» (СПб, 2017), просматриваю статьи. О ком он писал? О ком он только не писал!? Вот, например, Галина Дюмонд, талантливая русская поэтесса, и Максим Кантор, известный русофоб.

Просматриваю его статьи (для того, чтобы подтвердить свои предположения), тут же натываюсь на сильный пассаж, который придется выписать целиком, так как Геннадия Геннадиевича он характеризует вполне.

«Ну как тут не вспомнить бесчисленные суждения великих о протеизме и всеобъемлющей природе русской души, в которой без малейшего напряжения уживается и “жар холодных числ и дар божественных видений”, а заодно и всё остальное. И ведь, ей богу, это идёт только на пользу. Что уж там греха таить, ведь и у Пушкина в одном месте воспевается “гений чистой красоты”, а в другом потихоньку поясняется с применением ненормативной лексики, что именно сделал вдохновенный певец с этим самым “гением чистой красоты” и “мимолетным видением” (знаменитое письмо Соболевскому). Такие вот дела.»

Да...

А теперь позволю себе выписать пассаж из статьи о М. Канторе, принадлежащий, кстати, исследуемому автору.

«Русский – существо никчёмное. Он или ворует, или пьёт. Больше ничего не умеет, и если встречаешь трезвого русского – точно вор, а встречаешь честного – разумеется, пьяница. И то всего безотраднее, что ни украсть толком, ни выпить со вкусом он тоже не может. Оглянуться не успеешь, он или в тюрьме, или в бегах, или в гробу. Век русского человека короток и лишён смысла: выпьет сколько сможет – и на погост. Русский – он ведь ублюдок, беспородная дворняга, не монгол, не германец – так, кривоногая помесь».

«Мне любопытно, почему никто так не говорил о своей стране и своём народе, ни англичанин, ни китаец, ни таджик? – пишет Муриков. – ... Если Россия – это “грязное пятно на карте истории” (М. Кантор), почему же сюда так рвутся? ... Дело в том, что М. Кантор принадлежит к славному племени “руссофобов”. В этой стране он чужой.»

А мне любопытно, почему я почти с наслаждением выписал слова Кантора о русском народе (как и с наслаждением, как мне кажется, выписал их из его книги Геннадий Геннадиевич), а бесчисленные статьи и романы Проханова, восхваляющие русскую державность, имперскость, верноподданность, всеобщность, – нас совершенно не трогают. Возможно, потому, что и я «в этой стране чужой», и не чувствует ли себя чужим и наш критик? (Но, впрочем, он сам за себя ответит).

Итак, Муриков объективен и всеобщ. Его не трогает то, что Кантор принадлежит к руссофобам. Он это воспринимает как затяжные дожди нынешним летом: мокро, сыро... но временами кажется поэтично, особенно если смотреть из окна.

Впрочем, такая неопределённость заставляет задуматься, когда мы читаем статью о сочинениях следующего автора, А. Потёмкина, наполовину русского, наполовину немца. Русская кровь, однако, в нем пересиливает, и автор предстает перед нами как человек малограмотный (ну, естественно, не еврей, не немец). Но и сами его сочинения вызывают изумление нагромождением ... затрудняюсь даже подыскать слово... Жизнь наша, конечно, безумна, но не до такой же степени!

В конце своей статьи критик задает вопрос относительно Потёмкина: Так кто перед нами, патриот или руссофоб? Богодьявол или бог? Пишет он свои книги кровью или чернилами? (ссылаясь

на замечание Дм. Писарева, который возразил нападкам Салтыкова-Щедрина на роман Достоевского «Записки из мёртвого дома»: «Такие книги пишутся кровью, а не чернилами с губернского стола»).

(Такая, казалось бы, странная позиция критика, когда он холодно и объективно рассказал о романе М. Кантора, еврейского русофоба, и как-то без всякого восхищения также объективно рассказал о романе А. Потёмкина, всё же хотя бы наполовину русского, должна бы вызвать удивление у русских патриотов. Я часто тоже то защищаю евреев, то даже ими восхищаюсь, и мне часто говорят: так ты евреев любишь или русских? Трудно объяснить упёртым русским черносотенцам, что я не люблю ни русских ни евреев, но евреев я и не «не люблю», в том смысле что не испытываю к ним неприязни, как и к чукчам или финнам, но к русским зато я часто испытываю неприязнь, как очень многие известные русские люди, в том числе определённо националисты, как Пушкин или Лермонтов, или генерал Кутепов, прославившийся своей непреклонностью к мародёрам и предателям русского дела. Пушкин ненавидел русскую чернь, я ее тоже ненавижу. Правда, поскольку я не помещик, а крестьянин, я ее иногда пытаюсь понять и даже пожалеть. Сие пространное отступление необходимо. Судя по многим статьям и темам исследований г-на Мурикова, очевидно, что он симпатизирует и Белому движению, и русской эмигрантской литературе, в частности, гениальной чете З. Гиппиус – Дм. Мережковский, и Серебряному веку русской поэзии. Не подтверждаю это заявление цитатами, так как оно очевидно. А лишний раз произнести слово «национализм», заплёванное почти всей русской публицистикой и русской философией (почти никто и ныне не решается сказать о себе: «я русский», всяк скрывается за интернационализм, «всемирность» (по Достоевскому), патриотизм) – необходимо. Ибо почему русские так боятся и так ненавидят этот термин, требует особенного исследования. Почему на смерть Шафаревича в прошлом году евреи отзывались иногда и с осудительными замечаниями (а одна сказала: как жаль, что такой великий человек антисемит!), но сохраняя приличия, а русские пользователи Интернета буквально оплевали его память? За что? Несколько лет назад один исследователь писал книгу о националистах 60-х годов, и так как я сидел именно за национализм, то он спросил меня, как я отношусь к евреям. Я ответил, что к каждому человеку я отношусь в соответствии с его личными достоинствами, и только личность народа может вызывать мою

критику, симпатию или неприязнь. Русский патриот исключил меня из списка русских патриотов. Ну и на здоровье! Я и против советской власти не был, хотя и «высказывался» неприлично... но это не все могут понять.)

Это длинное отступление необходимо, чтобы пояснить: критик имеет дело с множеством взглядов, пишет о разных литературных, философских, политических направлениях, даже о таких неприличных, как национал-социализм и марксизм (интернационал-социализм), пишет и о сексуальных извращениях (любовь к Гитлеру, Ленину, Сталину), и всё это не запрещено Уголовным Кодексом. Критик имеет прав любить свой народ и ненавидеть ту чернь, которая предаёт и народ, и его культуру, и его государство (подлинную организацию народа, а не кучку негодяев, иногда захватывающих власть и выступающих от имени народа). Все русские писатели и философы Серебряного века были изданы и в Новое время и даже советской властью, таким образом, их можно читать, о них можно писать (пока ещё).

Но возвращаюсь, я выходил ненадолго. Розанов иногда приводит цитаты по ПЯТЬ или СЕМЬ страниц, простите мне небольшое отступление.

Продолжаю. Критик должен быть объективен, и объективность Мурикова мы подтвердили. Но критик не монах и не настоятель монастыря, он обязан быть субъективным, обязан одних любить больше, других меньше, мы не указываем кого, это его личное дело, но нельзя относиться равно благожелательно и к Пушкину, и к графу Хвостову?!

Кто же пользуется симпатией Геннадия Геннадиевича?

Приведу несколько цитат: «В образе Базарова себя узнают многие наши современники. Это один из архетипов русского национального самосознания».

«Противоречия разрушают систему, ослабляют проповедь, но утверждают подлинность переживаний. Как ни соблазнительно совершенство кристаллов, следует предпочесть несовершенный, неправильный, противоречивый извне и противоречивый изнутри побеждающий рост растения» – писал Мережковский.

«Не благословить человека в момент рождения, то есть как бы рождающего и рождённого, значит и само бытие его не благословить», – заключает Розанов. «Христос и так называемый Бог-Отец (Иегова) – противоположные сущности», – такова основная формула инакомыслия Розанова» – полагает Геннадий Муриков. Это утверждение является центральным для пони-

мания всей сущности критики Розановым христианства. По существу Розанов является анти-христианином, только гораздо более глубоким, чем Ницше, подвергшим сомнению все положительные ценности христианства, а лучше сказать, показавшим, что их вовсе нет.

Как мы видим из приведённых цитат, симпатией г-на Мурикова пользуются Тургенев, Мережковский, Розанов; разумеется, и почти вся русская литература, в этом отношении он идёт против течения современной критической мысли, для которой всё прошлое обветшало (как во времена первого пришествия обветшал Израиль), – и Россия, и русская литература, и русский народ.

Но вернёмся к началу статьи: «*“ближние наши” должны знать всё обо всём!*». Это и является квинтэссенцией и личности и творчества Геннадия Геннадиевича, он землепроходец, пришедший в дикие земли, чтобы их благоустроить, проложить дороги, поставить опознавательные знаки (особенно предостерегающие об опасности), устроить безопасные съезды.

Но и описать, объяснить, рассказать о вновь открытых землях, как бы много их не было. Часто он не успевает отделать фразу, устранить шероховатости стиля – потому что он СПЕШИТ – мы не знаем, что ждёт нас завтра: новый погром России и русского народа (несмотря на показное благополучие церкви), революция, гражданская война, поражение или победа.

-----

17 января 18 г. Вчера долго разговаривал с Тропниковым и Овсянниковым, о которых я тоже написал по несколько слов, спрашивал, легко ли им даются портреты своих современников – меня они мучают, легче написать роман. Да, может быть, и воистину *«лицом к лицу лица не увидать»*?

Так ли я понял объективность Геннадия Геннадиевича, не производит ли мой образ впечатление от человека, *“добру и злу внимающего равнодушно”*, аристократического высокомерия Пушкина (впрочем, оправданного)?

Муриков смотрит «свысока» на предмет, но на всё равно, он смотрит с вершины, с которой мы все внизу, и каждого хорошо видно, но зато не приседая пред авторитетами, мнениями и традициями; но он смотрит в том числе “вооружённым” взглядом, через “интерференционное” стекло, которым является блестящее знание истории и литературы. (И с грустью я думаю о том, что на меня все ополчились за множество ссылок на книги и события, идеи и факты – разве у Мурикова этих ссылок не боль-

ше? Погружаясь в океан его исторических и литературоведческих изысканий, я, напротив, с грустью думаю том, *как мало я знаю!* Отчего же его не ругают? И замечательны познания Вячеслава Овсянникова, которые он, как правило (кроме Записок Водолея и Прогулок с другим многознающим, Соснорой), обычно таит про себя! Или мой *поток ассоциаций и реминисценций* – хотя такова именно естественная ткань моих рассуждений, моих сцеплений, моего видения мира как «континуума» – производит впечатление хвастовства и заносчивости? (И сознаюсь, как исключение, что я и впрямь высокомерен, часто думая, что знаю чуть ли не всю истину). Зато из сравнения я, наконец, понимаю самое отличительное качество критика Мурикова: он *демократичен* (в смысле простоты и всеобщности), но он одновременно и народен (исходит из национальных, народных истоков, которые могут быть и аристократичны).

А в чём же состоит его *субъективизм*? В индивидуализме! Будучи сам личностен, г-н Муриков не только уважает личность в другом, но и ищет её, находит и подчёркивает.

Итак, он состоит из **многознания** (которое, вопреки мнению Гераклита, ещё добавляет ему **ума**), **демократических традиций** Николая Полевого, пушкинского **аристократизма**, **народности** Аполлона Григорьева, отращения к буржуазному духу, **культурности** (мировоззренческого основания, которое резко противостоит и духу сужающего человека христианства, и духу сектантского марксизма, тоже сужающего человека), противодействия *всеобщности* как основания Идеи Правды (то есть **исключительности**).

Кажущееся антиеврейское настроение некоторых его исследований (именно кажущееся) проистекает из исключительности в античном стиле: алмаз должен быть огранён, предмет обработан, роман дописан, теорема доказана, идеал установлен! И всё это должно вытекать из внутреннего духовного и художественного источника – сие резко противостоит юридической регламентированности восточного духа (пронизавшего и европейскую мысль) и кажется эскападами против ....